

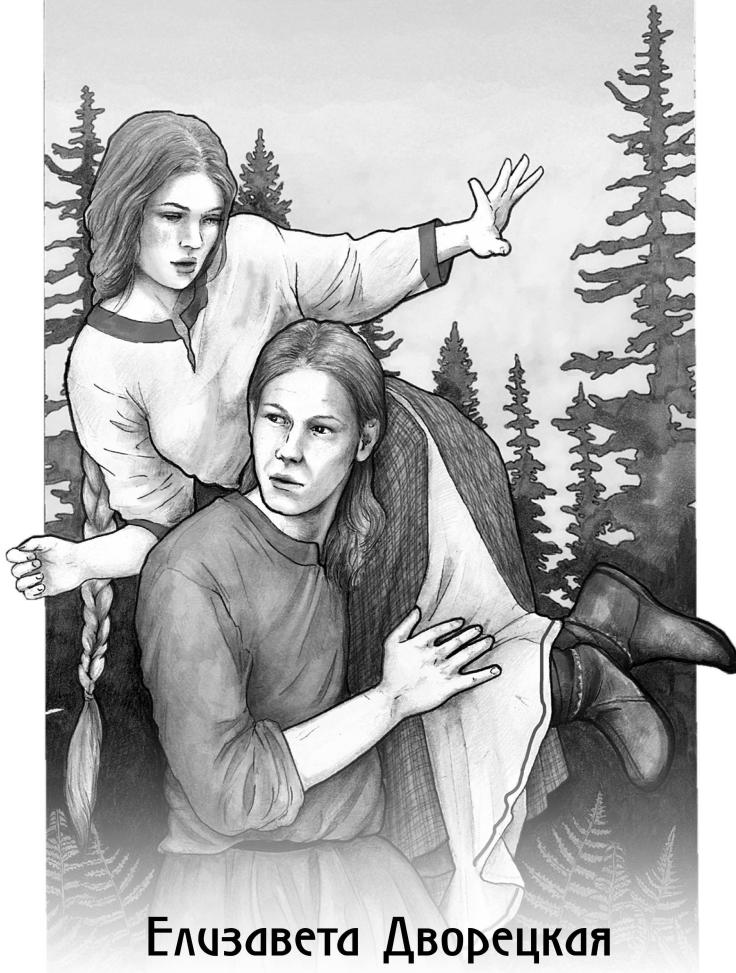

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

- КНЯГИНИЯ ОЛЬГА. Невеста из чащи
-
- КНЯГИНИЯ ОЛЬГА. Наследница Вещего
-
- КНЯГИНИЯ ОЛЬГА. Пламя Босфора
-
- КНЯГИНИЯ ОЛЬГА. Зимний престол
-
- КНЯГИНИЯ ОЛЬГА. Волки Каракуна
-
- КНЯГИНИЯ ОЛЬГА. Стрела разящая
-
- КНЯГИНИЯ ОЛЬГА. Огненные птицы
-
- КНЯГИНИЯ ОЛЬГА. Сокол над лесами
-
- КНЯГИНИЯ ОЛЬГА. Две жены для Святослава
-
- КНЯГИНИЯ ОЛЬГА. Львы Золотого царства
-
- КНЯГИНИЯ ОЛЬГА. Ключи судьбы
-
- КНЯГИНИЯ ОЛЬГА. Две зари
-
- Гуннхильд, северная невеста
-
- Венец Прямиславы
-
- Тайна древлянской княгини
-
- МАЛУША. За краем Окольного
-
- МАЛУША. Пламя северных вод

Елизавета Дворецкая

КНЯГИНИЯ ОЛЬГА

НЕВЕСТА ИЗ ЧАЩИ

Москва

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д24

Художественное оформление серии
Дмитрия Сазонова

Иллюстрация на переплете
Юлии Толстоусовой

- Дворецкая, Елизавета.**
Д24 Княгиня Ольга. Невеста из чаши / Елизавета Дворецкая. — Москва : Эксмо, 2021. — 416 с. — (Исторические романы Елизаветы Дворецкой).

Эльга, дочь варяжского воеводы и псковской княжны, семилетней девочкой оказалась вовлечена в борьбу правящих родов южной и северной Руси. Родня хочет устроить ее жизнь по древним обычаям, но племянница Олега Вещего не из тех, кто подчиняется чужой воле. Сама избрав свой путь, Эльга отправляется в Киев — туда, где ждет ее наследство прославленного дяди и еще незнакомый жених. Но успех достанется ей недешево, и путь к нему отмечают сломанные судьбы близких, оскверненные святыни и пролитая кровь...

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-182714-4

© Дворецкая Е., 2021
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Глава 1

Когда умер стрый наш Хельги, нам с Эльгой было по семь лет. Мы его совсем не знали, да и наши отцы, его младшие братья, не виделись с ним уже многие годы. Он жил очень далеко на юге, в Киеве, и о его смерти в наших краях узнали только зимой, когда установился санный путь и торговые гости тронулись обратно на север. Нам привез эту весть Гремята, брат моей матери, что ездил в этот раз с товарами в Киев.

Наши матери оделись в «печаль», и княжий двор в Плескове тоже, хотя не в такую глубокую: князю Судогостю далекий Хельги инн Витри¹, которого здесь называли Олегом Киевским, по прозвищу Вещий, приходился всего лишь сватом. Но на поминальный пир Судогость, конечно, к нам приехал и привез всех своих сыновей. Из Выбут за рекой прибыли родичи моей матери, пришли многие из окрестных старейшин: просторная изба строя Вальгарда была полна. Наши матери наварили ячменной каши с медом и без соли, наготовили ржаного и овсяного киселя, напекли блинов. По обычаю плесковичей, на стол поставили миску и ложку для

¹ Прозвище обозначает «хитрый, коварный, лукавый» — таким, вероятно, было исходное скандинавское прозвище персонажа, известного нам как Вещий. Скандинавское имя Хельги на славянской языковой почве первоначально приобрело форму Ельг (Эльг), и только к концу X века сложилась привычная нам форма Олег (и Ольга). Поэтому в описанный период (первая половина — середина X века) мог наблюдаваться разнобой в формах этих имен, особенно в речи разнозычных персонажей. (Здесь и далее примечания автора.)

покойного, положили горячей каши, чтобы дух угощался парам. Домолюба Судогостевна, как старшая невестка, поклонилась в закатную сторону и пригласила умершего к столу:

— Приходи, да родный брателко,
Приходи да меды пити,
Меду пити да поести.
Да пойдешь ты не дороженькой —
Темным лесом да болотом...

И тот, кто за долгую свою жизнь овладел многими землями, утвердился на столе старых полянских князей Киевичей, взял добычу из самого Греческого царства, привез из-за моря столько золота, узорочья, дорогих сосудов и цветных паволок, что цветное платье не вмещалось в лоды и свисало через борта, — теперь довольствовался струйкой пара над тремя ложками горячей каши и парой блинов. Правда, лежало угощение на красивом греческом блюде, где по желтому полю нарисованы были две бурые птицы с синими перышками, — из Олеговой же царьградской добычи. Он сам когда-то прислал его младшим братьям среди прочих даров.

Детям в поминальном пиру участвовать не полагалось, но отцы разрешили нам остаться в избе.

— Ваш стрый Хельги прославил наш род, — сказал Вальгард, Эльгин отец и старший брат моего отца. — Вам повидать его не довелось, но этот день вы запомните накрепко — будете до старости о нем детям и внукам рассказывать.

Не все из нас к тому времени достаточно подросли, чтобы и впрямь что-то запомнить. Старшей среди нас была тринадцатилетняя Вояна — дочь Домаши от ее первого мужа, а младшим — мой родной брат Кетька: его только той зимой отняли от груди и отдали под мой присмотр. Кроме него, родной брат у меня был только один — Аська. Ему исполнилось девять, он еще иногда играл с нами, но чаще поглядывал в сторону хирдманов. Зато у Эльги, кроме Вояны, были еще две младшие сестры, Володейка и Беряша, и двое младших братьев. Я, единственная в нашей семье дочь, сколько себя

помню, постоянно бегала к стрыйным сестрам¹. Особенно близки мы были с Эльгой: мы родились в одно и то же лето, росли и всему учились вместе и были неразлучны, как две руки одного тела.

И вот мы, все девять голов, лежали на полатях и прислушивались к разговорам внизу. Было боязно: мы слышали, что покойный стрый придет принимать угощение, но не знали, увидим ли мы его и очень ли будет страшно. Повеет ли на нас стужей? Упадет ли на лицо холодная слеза невидимого гостя? Застучит ли лавка, скрипнет ли дверь? Знакомая изба, сплошь увешанная белыми поминальными рушниками, стала новым и неуютным местом; казалось даже, будто все мы ради памяти Олега перенеслись этим вечером в Навь. Наверное, он был колдун; недаром же его там, у полян, прозвали Вещим.

Но пирование за столом из двенадцати блюд шло буднично, разве что хлеб не резали, а ломали. Мой отец и стрый Вальгард рассказывали о юности своего брата, о предках, о походах и подвигах. Он был старше их обоих на много лет, и отчасти они смотрели на него как на отца. Что и говорить: никто иной из нашего рода не достиг столь многого. В его честь Вальгард назвал свою старшую дочь. К тому времени Олег уже давно правил землей полян, и даже старые наши князь и княгиня не возражали, чтобы их внучка получила русское имя.

— И кто же теперь будет в Киеве сидеть? — спрашивали старейшины. — У Ельга же сыновей никого не осталось?

Все вопросительно смотрели на наших отцов, а те качали головами. В одном мудрому Олегу изменила удача: ему пришлось пережить своих сыновей. Говорили, их у него было четверо, но к нам ни один ни разу не показывался. Трое погибли в походах, а самый младший, Рагнар, умер от лихорадки. Люди говорили, такова была цена Олеговой удачи. Судьба ведь ничего не дает даром, и если она позволила человеку возвыситься больше, чем он мог ожидать, расплачиваться за это придется его потомству.

¹ Стройные сестры — двоюродные сестры по отцам.

— Новым князем кияне Олегова внука признали, от до-
чери его, — сказал Гремята. — Его тоже Олегом зовут. Он
и по отцу княжьего рода — так кому же, как не ему? Киевские
бояре за ним поехали в Холм-град.

— Но он же дитя еще? — Судогость посмотрел на нас, буд-
то сравнивал.

— Нет, княже, ты забыл, как быстро время идет, — возра-
зил тестю Вальгард. — Олегова дочь вышла за Предслава, бе-
глеца из земли моравской, лет двадцать назад, и сын их давно
взрослый. Может, успел и правнуков брату моему нарожать.

— В Холм-граде его женили, мы слышали? — заметил вы-
бутский старейшина Доброзор, наш с Аськой и Кетькой дед по
матери. — Без жены его в Киев не отпустят.

Глядя с полатей на родичей и гостей, на блюда, чаши и ро-
га, слушая разговоры, мы еще мало что понимали. Наш дво-
юродный племянник — взрослый мужчина, недавно провоз-
глашенный киевским князем, — рисовался нам весьма смут-
но. В наши головы тогда даже мысли не приходило, что нам
суждено когда-нибудь с ним повидаться.

В конце пира Домаша отошла к двери и ответила за покой-
ного, кланяясь из тени:

— Я с вами да насиделся,
Да на вас да нагляделся,
Я всего да накушался,
Да спасибо вам за все,
Да живите да не ссорьтесь.
А мне пора да восвояси,
Восвояси, да в темну могилку.
Далека да моя дороженька —
По темному лесу, по болоту...

И вот тут нас пробрала дрожь: в голосе Эльгиной матери
мы и правда услышали гостя из Нави. Следя за ней, мы затаи-
ли дыхание и прижались друг к другу потеснее.

На другой день остатки поминальной стравы опустили
в реку. «печальные» рушники убрали со стен, жилье приняло

привычный вид. Жизнь пошла по-прежнему, и мы обо всем этом забыли. Казалось, далекий и неведомый Олег Вещий бросил на нас пристальный взгляд из Закрадья и снова скрылся навсегда.

И лишь много времени спустя мы поняли, как прав был Вальгард, когда велел нам получше запомнить этот день.

* * *

До молодого Олега Предславича — того человека, которого смерть Олега Вещего затрагивала сильнее всех, — важная весть добралась еще позже.

Нынешняя зима оказалась щедра на метели. Немало дней миновало, прежде чем киевский обоз дополз до берегов Ильменя. Обогнув замерзшее озеро, миновал несколько поселений и наконец притащился к истоку Волхова, где высился городок — столица здешнего края. Когда-то поблизости стояла словенская весь под названием Холм, а на самом холме были пашни, но лет сто назад на этом месте обосновались выходцы с берегов Свеаланда. Их предки называли себя «рутскарлар», то есть «люди проливов»; чудские племена, первые с ними познакомившиеся, стали называть их «рутси», а славяне вслед за ними — русь. Русины, привыкшие проезжать полмира, чтобы отвезти янтарь и меха с севера в богатые римские земли, теперь стремились навстречу потоку серебряных шелягов из далеких сарацинских стран. Серебряный след привел их в земли чуди, мери и приильменских славян. Здесь было удобно, не отклоняясь от торговых путей, обменивать железо и бронзу из Свеаланда на шкурки куниц и бобров. Этот товар потом везли на Волгу, в Хазарское царство и еще дальше — на Гурганское море, а взамен доставляли серебро для украшений, узорные шелковые ткани, расписную посуду, яркие бусы из разноцветного стекла или камня. Всякое лето на корабельной стоянке у Волхова дымили костры, порой возле них сидели кучками понурые пленники — тоже товар немалого спроса в сарацинских странах. Местные жители, завидев эти дымы, съезжались предложить свой товар в обмен на привезенный.

Тородд, дед нынешнего конунга Олава, перебрался сюда из Ладоги и возвел укрепления на месте старинного славянского селения. На языке русинов это место называлось Хольмгард — «город на острове», ибо город помещался между Волховом и его рукавом и по весне иногда оказывался отрезан от суши половодьем. Стены из засыпанных землей срубов не опоясывали вершину холма или мыса, а полумесяцем огибли возвышенную часть берега. Со временем Хольмгард разросся и уже не помещался в старых укреплениях; его кузнецы и прочие умельцы, выселенные за пределы стен, снабжали своими изделиями всю округу. Ныне он был самым сильным и влиятельным из трех варяжских городцов в Поозёрье. Свой род его хозяева возводили к легендарному Харальду Боезубу и потому имели право на королевский титул.

Во времена сына Тородда, Хакона, через эти места прошел с дружиной на юг Хельги сын Грима. На Среднем Днепре он создал свою державу, где прославился под именем Олега Вещего. При нем открылся путь из Поднепровья в богатое Греческое царство. Тогда же оба владыки, с верхнего и нижнего конца Пути Серебра¹, заключили между собой договор о дружбе и свободном проходе торговых обозов. Каждый из двух властителей, южный и северный, отдавал своего наследника в дом другого: молодые люди служили заложниками мира, а заодно привыкали видеть в соперниках своих друзей. И родичей, поскольку жену им, по обычаям, подбирали здесь же.

Сейчас в Хольмгарде правил Олав, внук Тородда. В юности он несколько лет прожил у Олега Вещего в Киеве и там получил свою первую жену, Гейрхильд. От второй жены, Сванхейд, внучки конунга свеев, у него родилось одиннадцать детей, однако пятеро умерли совсем маленьими и растила королева только шестерых.

Уже шесть лет в Хольмгарде жил Олег Предславич, внук Олега Вещего. В обмен на него Олаву пришлось отправить

¹ Путь Серебра — обозначение торговых путей, ведущих от источника серебряной монеты (арабских стран) через Русь на север Европы.